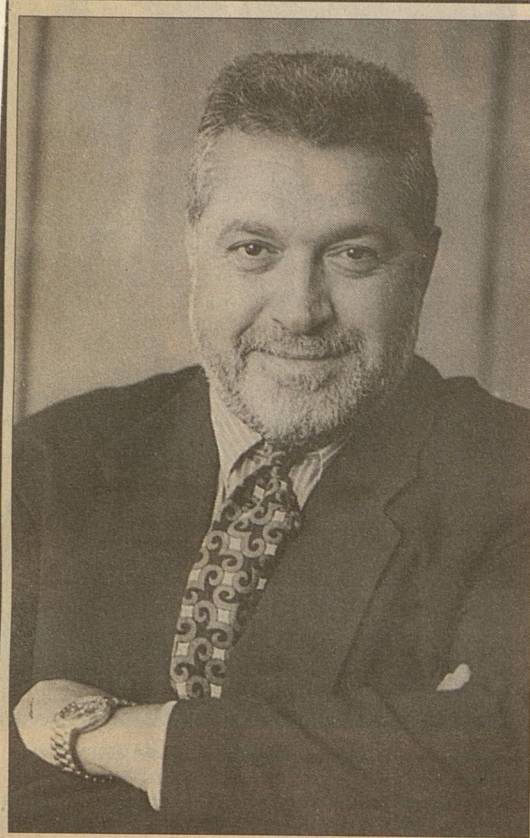

на Рождество, осенью и весной. И круг зритель ограничивался только пенсионерами.

А теперь мы хотим, чтобы наши благотворительные вечера стали постоянными, и хотим раскрыть свои двери не только для пенсионеров, ветеранов, но и для студентов, военных. Над такой программой работа сейчас ведется вместе с мэрией, правительством Москвы, фондом «Горожане».

Но все это — не в ущерб деятельности Дома кино как профессионального клуба кинематографистов, которых только в Москве более 3000 человек.

— Однако не напоминают ли все эти «Ники», «Турандоты», премьеры и презентации пир во время чумы?

— Да-да, конечно: «Россия гибнет, а кое-кто тут со всякими фестивалями...»

Нет, не напоминает. Потому что, во-первых, Россия не гибнет. А во-вторых, именно в тяжелое время как раз и нужны искренние и яркие праздники.

Когда мой папа, который всю войну провел на фронте, попал зимой 42-го года во время очень короткого отпуска в Москву, его больше всего потрясло то, что работали театры, работал цирк, просто горел свет. Папа был счастлив, потому что понимал: если Москва светится огнями театров, — она не сдается.

Сегодня, конечно, не война. Но идет борьба, достигающая почти военной остроты, — борьба за реформы, за страну, за будущее России. И мне кажется, очень здорово, что мы сегодня можем дать народу не только хлеба, но и зрелищ.

Вст. Москва. — 1996. — 9 авг. — Юлий Гусман: 0.5

«ДОМ КИНО — ЭТО КЛУБ, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ВСЕХ»

Не могу утверждать, что знаю Юлия Гусмана очень уж близко. Просто последние лет шесть-семь мы регулярно встречаемся в Московском Дворце молодежи во время записи очередной игры в Клубе Веселых и Находчивых. Собственно говоря, там, во Дворце молодежи, мы и познакомились. Точнее, мне удалось познакомиться с легендарным капитаном КВН. Но КВН — это только часть жизни Юлия Гусмана. Хотя и немалая...

— Юлий Соломонович, я, конечно, неоригинален, но — расскажите, пожалуйста, о себе.

Речь идет, разумеется, не о том, что вас не знают, — знают. Но знают, мне кажется, как некоего старого знакомого — только по имени. А попросишь вспомнить отчество — сразу и не получится. Вот просто Юлий Гусман — и все тут.

— Если можно, ответу прямо по биографии. Родился 8 августа 1943 года в семье главного врача Каспийской флотилии подполковника Соломона Моисеевича Гусмана и Лолы Юльевны Барсук, ставшей со временем профессором английского языка. У меня вместе с младшим братом было нормальное хорошее детство. Закончил медицинский институт по специальности «психиатрия». Даже написал кандидатскую диссертацию. Но КВН сбил с пути, и я вместо защиты диссертации поступил на Высшие режиссерские курсы. Получается, что этому своему выбору остаюсь верен и сегодня.

Женат. Дочка — студентка. Наверное, будущий юрист.

— Почему «наверное»?

— Потому что она довольно живо интересуется не только своей юриспруденцией.

— Что, видимо, неудивительно, поскольку папа — директор Дома кино.

— Не буду пока ничего загадывать. Тем более что к должности директора Дома кино, если уж говорить абсолютно точно, я вернулся совсем недавно, после двухлетнего перерыва: будучи депутатом Госдумы, я оставался только художественным руководителем Центрального Дома кинематографистов.

— Интересно, какие в Доме кино зарплаты?

— Очень маленькие. Самые высокооплачиваемые работники — руководители — получают тысячу 500 в месяц.

— А вы?

— Тысяч на 150 больше.

— При таких зарплатах в Доме кино нет текучести кадров?

— Именно. Хотя должен сказать честно: мы смогли сделать так, что за работу на «Нике» или фестивале платим людям отдельно. То есть получается, что мы придумали «Ник» — «Ника» помогает нам. Зато нам удается сохранить наши благотворительные вечера, когда к нам могут прийти бабушки-дедушки, которые, возможно, раньше в Доме кино никогда не были и для которых это действительно праздник.

Мы уже пять лет проводим различные благотворительные акции. Началось все с того, что мы были потрясены, когда после впервые прозвучавшего приглашения пенсионерам прийти бесплатно посмотреть лучшие российские фильмы к нам пришло 20 тысяч человек. Очередь стояла от Белорусского вокзала.

Мы тогда решили сделать так, чтобы никто не ушел обиженным. Работали 20 дней. Все желающие у нас побывали. Но это были разовые акции:

— Кем вы, житель Москвы, себя ощущаете? Родились и выросли вы на юге, хотя «лицом кавказской национальности» вас не назовешь...

— Мне кажется, все мы — воспитанники советской культуры. И я себя тоже всегда ощущал продуктом советской эпохи. Дело не в социализме, а в том, что — мне всегда казалось — у нас, в тигле, напоминающем чем-то американский, была создана уникальная культура. Да, замешанная на идеологии — что ж теперь!

И если без лишней сложности — я ощущаю себя советским человеком, русским по жизни, евреем по происхождению, выросшим на юге.

Почему так — «на юге»? Потому что «юг» вообще — это другая ментальность. И, наверное, наиболее точно будет сказать — я ощущаю себя бакинцем.

Что это такое, можно спросить у любого азербайджанца, армянина, русского, еврея — кого угодно, жившего в Баку. Это был уникальный в своем интернационализме город, в котором нации и народности жили очень дружно — каждый в своей коммунальной нише. Человек любой национальности, родившийся и выросший в Баку, никогда не испытывал ни малейших комплексов. Мой отец был одним из самых уважаемых в городе людей. Он воспитал всю сегодняшнюю терапевтическую элиту Баку.

— Мне, к сожалению, пришлось услышать от знакомых, что даже люди старшего поколения не всегда знают ваши работы как режиссера.

— Так получилось, что как театральный режиссер я больше работал за границей. А в Союзе — в основном в Баку. Первым в стране поставил оперу «Иисус Христос — суперзвезда». Работал в Бакинском ТЮЗе. Множество программ поставил на ТВ. Из картин наиболее известна «Не бойся, я с тобой» со Львом Дуровым, Мухтарбеком Кантемировым и Поладом Бюль-Бюль оглы. В «Иллюзионе» время от времени показывают «Дачный домик для одной семьи» по Рустаму Ибрагимбекову. Поставил я «Дракона» в детском театре города Далласа в США и теперь я еще и Почетный гражданин Далласа. Руководил постановками спектаклей в Китае, Японии.

— В результате стали депутатом Государственной Думы. Что, по оценке Михаила Мишина, получилось еще смешнее, чем то, как вы были капитаном КВН.

— Для меня самого все было сначала очень непонятно. То есть когда меня пригласили в федеральный список «Выбора России», я был рад и горд. Я с большим уважением относился к реформам Ельцина, Гайдара, помогал им, чем мог. И мне было интересно увидеть изнутри жизнь высшей политической элиты страны.

А потом вдруг я понял, что, образно говоря, без меня народ неполный. Мне показалось, что своей работой в Думе я приношу конкретную пользу. Что у меня получается.

Не потому, что я стал каким-то уж очень хорошим законодателем. Есть законодатели от Бога.

Такие, как Михаил Митюков или Борис Золотухин. Но политика — это еще и острые речи, умение держать удар в полемике. Благодаря кавэзовской школе, мне кажется, у меня все это есть.

— И как вы отнеслись к тому, что вторая попытка «хождения во власть» оказалась менее удачной?

— Как сказать... Тут не подходят слова типа «сожаление» или «горечь». Просто, признаюсь, когда я что-то делаю, я страшно не люблю проигрывать. Успокаивает только то, что, на счастье, проиграл не коммунисту или фашисту, а все-таки нормальному человеку — Павлу Сергеевичу Медведеву, заняв почетное второе место.

— То есть опыт не бесполезен?

— Нет-нет, я много чему научился. Потому что, кроме всего прочего, для меня это «хождение в народ» было некоей первой серьезной «вылазкой» в Москве. Я же как из Баку приехал, сразу сел в кресло директора Центрального Дома кинематографистов. И в общем-то, кроме «работа-дом», ничего не знал. И Москвы не знал, в сущности.

— И как вам сегодня Дума со стороны?

— Мне кажется — не считите это нескромностью, — что в нынешней Думе меня не хватает. В прежней Думе голос демократического крыла был слышнее. Возможно, просто потому, что демократическое крыло было больше.

Короче, как бы там ни было, но прежняя Дума решения о денонсации Беловежских соглашений принять бы не могла.

— Но раз вы так убеждены, что вас там не хватает, может, есть, смысл попытаться вернуться? Ну, не в Думу конкретно — в политику.

Есть, на мой взгляд, разные политики: политика

как профессия и политика как служение народу. Первый вариант предусматривает наличие определенных атрибутов: телефонов, машин. Но я, работая в Думе, служебную машину не вызывал. Воспользовался только однажды путевкой в Сочи. Поэтому я спокойно вернулся в Дом кино. Надеюсь снимать фильмы, ставить спектакли. В общем, вариант второй.

Тем не менее накануне выборов Президента мы все снова стали политиками. Страну снова лихорадило, мы снова вошли в цикл выборов, что все-таки не очень хорошо.

— Почему нехорошо? Столько было копий сломано, чтобы эти выборы состоялись.

— Я только что вернулся из Америки, где имел возможность наблюдать их предвыборную борьбу. И должен сказать, что, конечно, цивилизованные методы борьбы отличаются от наших. Возможно, потому, что Америка все равно никуда не свернет. У них, чтобы найти различия между кандидатами, нужен микроскоп. Все против аборт. Только один — вообще, другой — если ребенок зачат не от насильника, третий допускает такую возможность в случае генетических уродств.

20 лет назад я был в Голландии. И увидел огромную демонстрацию. Оказалось, демонстрация была посвящена проблемам геев и лесбиянок. Я тогда сказал, что если мы однажды доживем до таких демонстраций, то все будет хорошо...

Мы пока постоянно подходим к рубежу, за которым все может поменяться на 180 градусов. А ведь страна только-только начинает выбираться из кризиса.

— Вы недавно вернулись из Америки. Что вы там делали, если не секрет?

— Накапился за время моей работы в Думе ряд долгов, возник целый ряд проектов. Но заранее ничего говорить не хочу. Для меня главное, что жив Дом кино. Хотя живем мы уже от помощи до помощи. Надеюсь, этот вопрос все же решится. К сожалению, возникли вопросы о финансировании «Зеленого блока». Но надеюсь, что к осени проблеме нашего профессионального приза для молодых кинематографистов удастся решить. И продолжайте работать над всеми другими проектами.

— Но последний вопрос, Юлий Соломонович, все-таки о КВНе. До сих пор приходится слышать, что раньше КВН был лучше. А между тем — не перевелись таланты! — капитан команды «Парни из Баку» Анар Мамедханов стал депутатом меджлиса. Не без вашего, случайного, влияния?

— Я очень рад, если традиции Маслякова и кавэзничков моего поколения заметны в нынешнем КВН. Забавно то, что нынешние кавэзнички никогда не видели наших игр: для них все эти рассказы — миф и легенда. А играют они в тот же самый КВН, что в свое время и мы. И это прекрасно.

Но мы не были ни ярые, ни остроумные. Просто КВН в те годы был один, как был один «Современник». И то, что КВН сегодня возродился и живет полной жизнью, я считаю, замечательно.

Что же касается бакинцев... Ничему конкретному я их не учил: я одинаково отношусь ко всем командам и одинаково за всех переживаю. Если бакинцы считают себя в чем-то моими учениками, — мне приятно. Хотя, в свою очередь, я чему-то научился и от них. Это процесс двусторонний.

И кто бы сегодня ни критиковал КВН, я от него не откажусь. Как не отказывался никогда.

Беседовал Евгений ТИПИКИН